

«ЯПОНСКИЕ СТЕРВЯТНИКИ... ВЫРЫВАЮТСЯ ВНЕЗАПНО ИЗ-ЗА СОПКИ... ДАЮТ КОРОТКУЮ ОЧЕРЕДЬ И УДИРАЮТ»

Аннотация. В статье показаны типичные для советских средств массовой информации методы пропаганды по дискредитации Японии и её вооружённых сил в периоды военного противостояния 1938–1939 гг. и 1945 г.

Ключевые слова: СМИ; информационное противоборство; Хасан; Халхин-Гол; Советско-японская война 1945 г.

Summary. The article shows the typical Soviet media propaganda techniques to discredit Japan and its armed forces in times of the military confrontation of 1938–1939 and 1945.

Keywords: media; information warfare; Khasan; Khalkhin-Gol; Soviet-Japanese War of 1945.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ противостояние Советского Союза и Страны восходящего солнца явилось как бы продолжением отношений между Россией и Японией в начале XX века. После Октябрьской революции Япония, воспользовавшись временной слабостью северного соседа, приняла активное участие в антисоветской военной интервенции, оккупировав часть территории Дальневосточной республики (ДВР). Установление 20 января 1925 года дипломатических отношений между СССР и Японией ослабило напряжённость в регионе. Однако с приходом к власти в декабре 1926 года императора Хирохито, а в апреле следующего — премьер-министра Г. Танаки, противостояние снова стало набирать обороты, и к середине 1930-х годов взаимоотношения между СССР и Японией существенно ухудшились. Советское руководство встало перед необходимостью усиления как военного, так и морально-политического отпора назревавшей японской агрессии. В октябре 1933 года И.В. Сталин дал сигнал советским средствам массовой информации о проведении пропагандистской кампании с целью обоснования усиления советского военного присутствия на Дальнем Востоке, укрепления границ, строительства в регионе предприятий военного значения, ужесточения приграничного режима¹.

С заключением в ноябре 1936 года между Берлином и Токио «Антикоминтерновского пакта» и вторжением японских войск в июле 1937 года в Китай в Советском Союзе стал формироваться образ Японии как одного из основных мировых агрессо-

ров. Средства массовой информации уделяли много внимания освещению событий Японо-китайской войны, а также японским провокациям в отношении СССР, например задержанию советских грузовых кораблей «Кузнецкстрой» и «Рефрижератор № 1». Капитан судна В.С. Быковский, проведший 30 суток в японском плену, рассказывал на страницах «Правды», что, проводя обыск, «японские самураи... вели себя особенно развязно» и даже избивали членов команды на допросах².

Отдельное место занимало разоблачение японского шпионажа³, а также якобы враждебных действий японского персонала, работавшего на нефтяных и угольных предприятиях на советском Северном Сахалине. Отмечалось, что там «работают японцы, которые являются нашими врагами и которые хотят нам только одних гадостей»⁴.

Примечательно, что если в этих случаях японцев обвиняли как представителей нации, то в ходе советско-японского военного противостояния на озере Хасан (июль—август 1938 г.) и у реки Халхин-Гол (май—сентябрь 1939 г.) советская пропаганда стала строиться на основах классовой солидарности и интернационализма, призывая к ненависти не к японцам вообще, а к японским эксплуататорам-милитаристам и феодалам-самураям⁵, подчёркивая якобы трудное положение народа Японии под пятой милитаристской клики. Пресса писала о манипуляции сознанием японцев: «в школах и университетах учащиеся воспитываются в духе ненависти и презрения ко всем другим народам и безропотного подчинения правящим классам»; об антивоенных настроениях

«народных масс Японии», в том числе среди студентов и в армии, что проявлялось в уклонении от военной службы, дезертирстве и самоубийствах; отмечалось, что «не хотят войны» не только простые японцы, но и «те элементы правящего лагеря, которые трезво оценивают международное и внутреннее положение своей страны», и в Японии «поднимаются... голоса против гибельной авантюры военщины», что приводит к «возмущению народных масс» и «ненадёжности тыла». Советские пропагандисты выражали надежды на положительные качества японского народа, которому «чужда ненависть к другим народам». В связи с этим упоминались репрессии со стороны японских властей в отношении недовольных, в том числе «массовые случаи арестов рабочих за малейшую критику военщины», убийство солдат за чтение просоветской литературы. В целом же советская пропаганда делала вывод, что Япония находится в глубоком кризисе.

Сегодня представляется, что классовый подход к пропаганде был вызван не только идейными соображениями, но и плохим знанием менталитета японского народа.

Годовщина событий на озере Хасан отмечалась как «праздник победы». При этом подчёркивалось, что «могучая непобедимая Красная Армия нанесла сокрушительный удар японским провокаторам», и «самураи, посмевшие вторгнуться на территорию страны социализма, были сметены с лица советской земли и рассеяны в прах». В Хабаровске даже провели стотысячный митинг в ознаменование этой даты⁶.

В дни боёв на реке Халхин-Гол советские газеты писали, что

наши красноармейцы на границах Монголии защищают от японских провокаторов «свою Советскую Россию от Байкала до Владивостока»⁷. Появились сведения о лживости японской прессы, по словам которой, например, один японский сержант сбил 21 советский самолёт, а за 30 минут воздушного боя были сбиты 97 советских самолётов. При этом подчёркивалось, что японцы «врют не от хорошей жизни», так как «ложь и хвастовство — оружие слабых», и даже сообщалось, что за публикацию лживых сведений о мнимых успехах японской авиации начальник бюро печати Квантунской армии Кавахара смещён со своего поста⁸.

Тема противостояния с Японией нашла своё отражение и в кинематографе: в 1937 году братья Васильевы⁹ сняли фильм «Волочаевские дни» (о японском десанте в 1918 г. во Владивостоке), в 1939 году вышел фильм И. Пырьева «Трактористы», в котором упоминались события на озере Хасан.

По мнению Е.С. Сенявской, агрессивный образ Японии, сложившийся в материалах советской пропаганды, имел под собой реальную почву, ибо «в японском народе воспитывалось чувство национальной исключительности, подкрепляемое легендами о божественном происхождении японской нации, о её превосходстве над другими, широко пропагандировалась «паназиатская доктрина» (т.е. включение государств Азии в состав Японской империи). Милитаристская Япония и гитлеровская Германия не случайно стали союзниками: в их альянсе «важными оказались не только близость геополитических и стратегических интересов, но и идеи исключительности и национального превосходства»¹⁰.

После Халхин-Гола советско-японские отношения постепенно вошли в стадию относительной нормализации, итогом которой стало подписание в апреле 1941 года Пакта о нейтралитете сроком на 4 года. В связи с этим антияпонская пропаганда в советских СМИ была приглушена, хотя Япония и продолжала предпринимать агрессивные действия в отношении СССР¹¹.

ПО МЕРЕ приближения конца Третьего рейха власти СССР стали предпринимать шаги по подготовке об-

Орденосный пулемётный расчёт А.Н. Подпального на привале
Фотограф Петровский.
Район оз. Хасан, 1939 г.

щественного мнения к будущему военному столкновению с Японией. И.В. Сталин в своей речи 6 ноября 1944 года причислил Японию к числу агрессивных государств. 5 апреля 1945 года Советский Союз денонсировал Пакт о нейтралитете с Японией, чем показал стремление выполнить свои обязательства перед союзниками. Что касалось «внутреннего пользования», денонсация пакта объяснялась тем, что советско-японские отношения на протяжении более чем двух десятков лет, начиная с образования Советского государства, носили совершенно неудовлетворительный характер. На денонсацию пакта были опубликованы и отклики из-за рубежа, подтверждавшие возможное обострение советско-японских отношений¹². В апреле 1945 года в «Правде» была опубликована статья, где говорилось, что за последние несколько месяцев в войне с США Япония потерпела ряд серьёзных поражений, и делался вывод о неизбежности дальнейшего ухудшения военного положения Японии и «превращение Японских островов в арену жестоких боёв»¹³.

Началась моральная мобилизация Красной армии к военным действиям на Востоке. Этот процесс можно проследить, в частности, по материалам красноармейской газеты «Тревога»¹⁴. Практически в каждом номере помещались статьи о тактике наступательного боя — преодоление заграждений, работа снайперов, переход через перевалы, ночная подготовка танкового экипажа, методика взятия «языка», стрельба через головы

наступающих, отработка выхода в тыл противника. Особое внимание уделялось тактике форсирования водных рубежей, умению плавать и переправляться с помощью подручных средств. Газета призывала военнослужащих «в полной мере использовать это лето, чтобы практически освоить богатейший опыт, который накопила Красная Армия, форсируя многочисленные водные преграды на пути своего великого наступления»¹⁵.

Большое место в пропаганде отводилось сохранению военной тайны и усилению бдительности. Политработники проводили занятия по теме «Высокая бдительность — необходимое условие победы», то есть, очевидно, победы над Японией, так как Германия уже была разгромлена. Так советская пропаганда давала понять, что разгром милитаристской Японии неминуем. В статье «Воспитание бдительности» говорилось: «Враг... хитёр, так и старается напакостить нам, шпионов, диверсантов засылает, гадов своих старается сохранить»¹⁶.

Важной для моральной мобилизации советских воинов дальневосточников являлась отсылка к опыту информационного противоборства с Японией во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., Гражданской войны и столкновений на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Хотя Япония и японцы не назывались открыто (именовались «неприятель», «противник», «враг»), было понятно, о ком идёт речь. Публиковались отчёты о «встречах воинов трёх поколений». В частности, ветеран Русско-японской

войны А.Т. Гоменюк давал поучения советским воинам: «Для нашего русского солдата любая ноша по плечу. Это я ещё со времён Порт-Артура знаю». Публиковалась серия очерков «Русский солдат — Игнат Шимков», в которых рассказывалось об одном из защитников Порт-Артура, который, «принимая на свой штык... наседавших врагов... повторял: не ходи в Артур, не ходи в Артур!». В ряде статей описывались подвиги партизан в годы Гражданской войны, воинов Народно-революционной армии ДВР, советских воинов на озере Хасан и реке Халхин-Гол. При этом рефреном проходила идея: иностранные захватчики всегда получали и получат сокрушительный отпор¹⁷.

Начало войны (9 августа 1945 г.) советская печать ознаменовала призывом сокрушить японскую армию: «Все силы на разгром врага!», «Смерть японским самураям!», «Ликвидируем очаг войны на Дальнем Востоке!». Использовался также известный лозунг Великой Отечественной войны «Враг будет разбит, победа будет за нами!». Под этими лозунгами также проводились митинги и собрания, на которых провозглашалось: «Разгромить японского агрессора — единодушная воля советского народа»¹⁸.

В печати и на митингах разоблачались «японские планы господства над миром», подчёркивались злодеяния Японии — «самого злобного и агрессивного нашего врага», припоминались «все чёрные дела самураев», которые «оскорбляли национальное достоинство и честь свободолюбивого русского народа» и принесли «много бед и несчасть... нашей дальневосточной земле», чего, конечно, нельзя было простить. В дальневосточной прессе также публиковались статьи о японской интервенции во время Гражданской войны. Публицист Ю. Шестакова писала: «Оттого и крепнет сегодня счёт нашей мести, что ещё в детские годы в память нашу вошёл желтолицый зверь с сигаретой в зубах и с резиновой плёткой в руке. Японцы! Слишком долго слово это отдавалось ужасом в сознании, чтобы забыть его. Слишком много несло оно горя и слёз, чтобы и сейчас, через двадцать шесть лет, произнести его спокойно. Это слово свистело саблей, пулей

разрывалось, вдовыми слезами текло, сиротством унылым шагало по таёжным дорогам, пеплом сожжённых деревьев отдавалось в груди». Японцы получали эпитеты «звери», «грабители и убийцы», «смертельные наши враги», которые принесли «кровь и пожары, виселицы и насилия»¹⁹. Были опубликованы и разосланы в войска плакаты на тему «Зверства самураев»²⁰.

Ещё одним аспектом пропаганды стало подчёркивание лживости японских властей, которые «не выполняли... договор о нейтралитете», а также «подлых уловок» японских солдат и офицеров, которые якобы сдаются в плен, но при приближении бойцов кидают в них гранаты, а лётчики («японские стервятники») «вырываются внезапно из-за сопки, по-разбойничьи, дают короткую очередь и удирают»²¹.

ПОБЕДА Советского Союза над Японией и её безоговорочная капитуляция в советской пропаганде определялись как «поражение японского империализма», что явилось заслугой «нашего великого народа, народа-победителя»²². При этом подчёркивалось, что Япония получила возмездие за её агрессию против России и СССР в прошлом, в том числе и за то, что в 1904—1905 гг. она захватила Южный Сахалин, Порт-Артур и Дальний. Теперь советский Дальний Восток «избавлен от угрозы японского нашествия», так как «Южный Сахалин и Курильские острова дадут Советскому Союзу прямой выход в Тихий океан и будут служить базой обороны нашей страны от японской агрессии». Закономерность возвращения этих территорий в состав страны объяснялась тем, что именно «русские люди исследовали побережье Берингова и Охотского морей, Камчатку и Сахалин, основали первые поселения на Курильских островах». В статье известного писателя Н.П. Задорнова отмечалось, что «подвигами Невельского и его спутников были завершены стремления русских к Тихому океану», обосновывалась принадлежность Курильских островов СССР, так как «русские путешественники появились на Курильских островах ещё в начале XVIII века», и по своему географическому положению они «непосредственно примыкают к Камчатке и служат как бы её продолжением на юг... с запада... омы-

ваются водами Охотского моря и прикрывают побережье Сахалина... образуя неразрывное целое с советскими владениями на Дальнем Востоке». Поэтому государственные интересы СССР настоятельно потребовали, чтобы японский плацдарм на Сахалине был ликвидирован, и безопасность советских границ прочно обеспечена²³.

В прессе обосновывались права Советского Союза и на Порт-Артур. Писатель А.Н. Степанов писал: «Прошло сорок лет, и снова в Порт-Артуре звучит русская речь, снова по улицам города с удалыми песнями проходят русские полки, которым отныне присвоено почётное звание «Порт-Артурских». На рейде красуются корабли Тихоокеанской эскадры». Подчёркивалось, что «кончилось хозяйничанье японцев в Порт-Артуре», «на высоком шпиле морского штаба развевается советское боевое знамя», «русская военноморская база Порт-Артур начала новую жизнь»²⁴.

В период военных действий и после разгрома Японии перед советскими властями встала новая задача — ведение пропаганды среди населения занятых советскими войсками Маньчжурии, Северной Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов²⁵. Не забыли советские пропагандисты и японских военнопленных. В августе—сентябре 1945 года на расположения японских войск сбрасывались листовки, для них также шло вещание через громкоговорители. Основная цель этой пропаганды заключалась в убеждении солдат и офицеров противника в том, что политика правительства Японии несправедлива, агрессивна, рискованна и бесперспективна²⁶.

Кстати, Япония оказалась готова к информационному противоборству. Ещё в августе 1941 года японские власти Маньчжурии разработали секретную инструкцию, где излагались задачи массовой пропаганды: особое внимание обращать на подбор газетных сообщений из-за границы, при этом победам Германии уделять много места, победам России, наоборот, мало; развеивать «слухи», которые распространялись «со стороны Советского Союза»²⁷. К информационному противоборству можно отнести и тот факт, что японских солдат не уведомили о поражении Германии. Кроме

того, японцев, проживавших в Южном Сахалине и Курилах, в Корее и Маньчжурии, убеждали в кровожадности русских, которые будут убивать пленных и мирных жителей²⁸. И люди этому верили. Так, при занятии советскими войсками города Маока (ныне Холмск) на Южном Сахалине значительная часть японского населения бежала из города, однако увидев гуманное отношение со стороны советских войск, успокоилась и вернулась²⁹. В Маньчжурии с целью успокоить японских граждан советское командование издало обращение, в котором говорилось, что «Красная Армия с мирным населением не воюет». Мало того, приходилось защищать японцев от японских же войск, командование которых принуждало соотечественников умерщвлять своих детей, после чего совершать самоубийства³⁰.

Что касается советской пропаганды, направленной на китайское и корейское население, то она велась под лозунгом «Великий Сталин послал Красную Армию в Маньчжурию, чтобы спасти китайский народ от японских захватчиков». Миллионными тиражами на китайском и корейском языках выпускались листовки, велись звукопередачи. Следует сказать, что в целом китайцы с радостью встречали Красную армию, говорили: «Спасибо русским! Спасибо Сталину!». В Харбине над всеми главными зданиями города были подняты красные флаги, через многие улицы протянуты транспаранты с приветственными лозунгами на русском и китайском языках, радио передавало гимны союзных держав, советские марши и весёлую музыку³¹.

Если коренное население Маньчжурии, несмотря на призывы японских пропагандистов создавать партизанские отряды для борьбы с русскими, всё же «желало поражения Японии в войне и изгнания японцев»³², а в одной из деревень, «заслышав шаги Красной Армии, перебили всех японцев, оставив пленными лишь главарей в “подарок” освободителям»³³, то с корейским населением Маньчжурии дело обстояло сложнее. Оно находилось в привилегированном положении. Корейцы считались подданными Японии и были, как считалось, «настроены дружелюбно к японцам». Однако стычек между китайцами и корейцами не отмечалось, тем более что большин-

Красная армия в Харбине
Фотограф Е. Халдей.
Август 1945 г.

ство последних бежали вместе с японцами³⁴. Говоря о монгольском населении Маньчжоу-Го, в том числе личном составе созданных японцами монгольских частей, следует отметить сильные антияпонские настроения. Их отношение с советскими бойцами и офицерами быстро наладилось³⁵.

КРОМЕ издания бюллетеней и листовок³⁶ советские органы пропаганды выпускали для китайского, корейского и монгольского населения также газеты, в том числе «Китайский вестник», «Корейскую газету» (политуправление Приморского военного округа) и «Голос народа» (в Дальнем). К ноябрю 1945 года на территории Маньчжурии издавались 18 газет, 1 журнал и 2 ежедневных бюллетеня общим тиражом более 500 тыс. экз.³⁷ Возникшие повсеместно общества советско-китайской дружбы также издавали брошюры и книги о Советском Союзе и Красной армии.

Особой целевой группой для советской пропаганды являлось население Южного Сахалина и Курильских островов, состоявшее преимущественно из японцев (358,5 тыс. человек) и корейцев — 23,5 тыс. При этом если корейцы требовали отправки на родину, то японцы, держась внешне лояльно, никаких претензий поначалу не выдвигали.

В феврале 1946 года на Южном Сахалине вводятся советское право и юрисдикция, затем главный город региона переименовывается в Южно-Сахалинск. Начинает прибывать и население с материка. К июлю 1946 года

здесь насчитывается уже более 70 тыс. советских граждан, не считая военнослужащих. Однако в регионе остаются ещё и более 300 тыс. японцев. Для них ежедневно ведётся двухчасовое радиовещание, проводятся сотни лекций и докладов на японском языке, издаются брошюры на темы: «Что такое советская власть», «Дружба народов СССР», «Советская Конституция — самая демократическая в мире», «Источники силы и могущества СССР». В газете «Новая жизнь» печатаются либретто на 30 советских кинокартин. Проводятся киносеансы для японского населения, при областном отделе культпросветучреждений постоянно работают хозрасчётные концертные бригады — 5 японских и одна корейская³⁸.

Нельзя не отметить, что советская пропаганда давала свои плоды — японцы участвовали в социальном соревновании, подавали заявления о принятии в советское гражданство, выходили на первомайские демонстрации, с большим интересом смотрели советские кинокартины³⁹. Проводилась работа по пересмотру учебников и программ для японских школ, переподготовке японских учителей. Трудно сказать, чем бы закончилось это «осовечивание» японцев, но к 1948 году японское население покинуло Сахалин и Курилы, куда стали в массовом порядке прибывать советские переселенцы⁴⁰.

Ещё одной специфической группой, с которой работали советские пропагандисты, стали японские военнопленные. По свидетельству очевидцев, отно-

Пленные японские солдаты сдают оружие
Маньчжурия, 1945 г.

шение к ним в целом было гуманным, условия пребывания в лагерях — сносными, а связи с местным населением — тёплыми⁴¹.

Активная кампания по идеологической обработке пленных японцев началась в 1946 году через использование СМИ, создание «антифашистских комитетов» и «демократических кружков». Основными формами пропаганды являлись «световые газеты» (писались тушью на киноплёнке), концертные бригады, антифашистские конференции⁴². Хотя явных демократов и антикоммунистов среди японцев насчитывалось весьма мало, отмечались успехи советской идеологической обработки, так как японцы, по крайней мере в тех условиях, оказались восприимчивы к коммунистическим идеям⁴³. В мае 1946 года военнопленные, содержащиеся в Семёновском лагере (Приморский край), обратились ко всем военнопленным

японским солдатам и офицерам, находившимся в Советском Союзе, и к японскому народу с призывом «организованно требовать нового демократического правительства с включением всех демократических элементов, а также предания военному суду всех военных преступников, в том числе и императора как основного виновника возникновения этой войны»⁴⁴.

Примечательно, что по возвращении в Японию многие бывшие пленные отказывались сотрудничать с американской оккупационной администрацией, а по прибытии в японский порт Майдзуру 30 июня 1949 года они заперли «Интернационал» и выкрикивали коммунистические лозунги⁴⁵.

Следует хотя бы кратко остановиться ещё на одном аспекте — отношении к русскому населению Маньчжурии в 1945 году. Советские власти знали, что во время японской оккупации Маньчжурии белоэмигрантская колония сотрудничала с японскими властями, белогвардейцы, по мнению советских властей, стали «верной опорой японцев»⁴⁶.

После изгнания из Маньчжурии японцев русская эмигрантская масса, как отмечали советские военные органы, «боявшаяся возмездия со стороны Красной Армии, к тому же фактически лишившаяся центрального аппарата, не знала, что ей делать». Часть эмигрантов проявляла лояльность к советским войскам, отдельные их представители даже оказывали им содействие, ходили разговоры и о возвращении на родину, однако эмигрантская пропаганда пыталась воспрепятствовать этому, распространяя слухи, что всех репатриированных будут считать белогвардейцами и казнят. Острота конфликта стала сглаживаться с ноября 1945 года, когда начался приём в советское граж-

данство русских, проживавших в Маньчжурии⁴⁷.

Итак, советская пропаганда во времена противостояния с Японией имела свои особенности. В период 1938—1939 гг. делался упор на защиту Отечества, в 1945 году — на наказание японского агрессора и восстановление исторической справедливости. Такую направленность пропаганды можно считать для того времени обоснованной: в 1938—1939 гг. Советский Союз оборонялся от японской экспансии, а в 1945-м вёл войну наступательную, поэтому пропагандистские органы должны были обеспечить соответствующую моральную мобилизацию советского общества и Красной армии на решение конкретных задач.

При этом следует отметить отсутствие националистических или шовинистических нот в советской пропаганде. Примечательно, что из песни «Варяг» был исключён куплет, где упоминаются «желтолицые черты», так как идеология интернационализма «не позволяла использовать подобные «расистские» характеристики даже по отношению к противнику»⁴⁸. Наоборот, материалы СМИ отличались сочувствием к простому народу Японии, до которого, впрочем, они вряд ли доходили.

Содержание советской пропаганды в период военного противостояния на озере Хасан получило спорные оценки со стороны некоторых зарубежных учёных. По мнению американской исследовательницы К. Петроне, советские СМИ провозглашали «классовую войну советского пролетариата против японского дворянства», с чем можно согласиться. Однако Петроне считает, что при этом в негативном плане использовались и расовые характеристики японцев: «отвратительные рожи с узкими, злобными глазами». Находит она и отрицание мужественности японцев, в частности, в описании того, как японский офицер прыгнул на спину советского лейтенанта «как кошка»⁴⁹. Однако, как известно, «прыгнуть как кошка» — это известная идиома: никто не скажет по-русски «прыгнуть как кот». Что касается карикатуры, то, действительно, в ней сложился определённый образ «врага-японца» — в очках, с прищуренными глазами, разинутым ртом и большими выступающими зубами. Однако, на наш взгляд, он не

Один из пропагандистских плакатов
1945 г.

носил уничижительных характеристик по отношению к японскому народу, а утрированно давал образ «японского империалиста», «самурая», что для пропаганды тех лет являлось обычным. Да и в американских карикатурах 1941—1945 гг. японцы изображались не только как ярко выраженные «азиаты», но и в виде крыс и змей, не говоря уже о том, что их уничижительно именовали «*jar*» или «*jarру*» («япощка»).

Полезным является сравнение советской пропаганды с русской пропагандой периода Русско-японской войны 1904—1905 гг. Именно в те годы в нашей стране была впервые предпринята широкомасштабная попытка формирования определённого общественного мнения. Однако философия государственной пропаганды основывалась на так называемом квасном патриотизме, а её содержание часто не соответствовало тяжёлым для России реалиям войны. Так что с полным правом можно говорить о провале стратегии правительства России в деле формирования общественного мнения относительно Русско-японской войны⁵⁰. Определённую роль здесь сыграла и контрпропаганда, которую вели антиправительственно настроенные круги, в том числе РСДРП. Можно утверждать, что советская пропаганда в периоды военного противостояния с Японией (1938—1939 и 1945 гг.) существенно отличалась в лучшую сторону от дореволюционной пропаганды, показав свою высокую эффективность. Успеху советской пропаганды способствовала и парадигма советско-японского противостояния, связанная с его высоким моральным обоснованием как справедливого и законного отпора японскому агрессору.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917—1941 гг. М., 2001. С. 16—19.
² Правда. 1938. 23 февр. С. 8; 1938. 6 июля. С. 6.
³ Правда. 1938. 2 янв. С. 2; 1938. 5 сент. С. 5; 1938. 4 янв. С. 5; 1938. 2 марта. С. 2; 1938. 9 апр. С. 4.
⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 5618. Л. 131.
⁵ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 43.
⁶ Тихоокеанская звезда. 1939. 6 авг. С. 1; 1939. 8 авг. С. 1.
⁷ Борисова И.Д. Россия и Монголия: Очерки истории российско-монгольских

и советско-монгольских отношений (1911—1940 гг.). Владимир, 1997. С. 95, 96.

⁸ Тихоокеанская звезда. 1939. 28 июля. С. 1; 1939. 4 июля. С. 2; 1939. 8 июля. С. 1.

⁹ Васильевы (однофамильцы, псевдоним — братья Васильевы), кинорежиссёры и сценаристы: Георгий Николаевич (1899—1946) и Сергей Дмитриевич (1900—1959), народный артист СССР (1948). Фильмы «Волочаевские дни», «Чапаев» и др.

¹⁰ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 43, 55.

¹¹ Например, продолжалось потопление советских гражданских судов, а в июне 1942 г. оккупированную территорию Советского Союза в районе Воронежа посетили японские офицеры с целью изучения германского опыта войны с СССР. В свою очередь советское руководство дало обещание западным союзникам вступить в войну с Японией после разгрома гитлеровской Германии. См.: Филоненко С.И. Начало операции «Блау»: венгры и японцы в степях Придонья летом 1942 г. // Последняя точка Второй мировой. Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 116.

¹² Так, в «Правде» было опубликовано высказывание американского сенатора Коннели, который говорил: «Поскольку Япония помогает Германии, которая совершила неоправданное нападение на Россию и ведёт войну против Англии и Соединённых Штатов, являющихся союзниками России, нельзя представить себе, чтобы пакт был возобновлён. Япония сделала невозможным продолжение соглашения». См.: Правда. 1945. 7 апр. С. 4.

¹³ Правда. 1945. 13 апр. С. 4; Тревога. 1945. 8 июля. С. 4.

¹⁴ Орган Дальневосточного фронта.

¹⁵ Как известно, почти вся граница между СССР и оккупированной Японией территориями Китая и Кореи проходила по водным пространствам — рекам Аргунь, Амур, Усури, Туманная, озеру Ханка и др.

¹⁶ Тревога. 1945. 29 мая. С. 2, 3; 1945. 30 мая. С. 3; 1945. 23 июня. С. 3; 1945. 4 июля. С. 3; 1945. 7 июля. С. 1; 1945. 12 июля. С. 1.

¹⁷ Тревога. 1945. 1 июня. С. 4; 1945. 5 июня. С. 1; 1945. 14 июня. С. 2; 1945. 7 июля. С. 4; 1945. 10 июля. С. 2; 1945. 11 июля. С. 3; 1945. 12 июля. С. 3; 1945. 14 июля. С. 4; Тихоокеанская звезда. 1945. 20 мая. С. 1; 1945. 22 июля. С. 1, 3.

¹⁸ Тихоокеанская звезда. 1945. 9 авг. С. 1, 2; 1945. 10 авг. С. 1—3; 1945. 14 авг. С. 1; Правда. 1945. 10 авг. С. 2.

¹⁹ Тихоокеанская звезда. 1945. 9 авг. С. 2; 1945. 10 авг. С. 1—3.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 68.

²¹ Правда. 1945. 11 авг. С. 2; 1945. 25 авг. С. 3, 4; 1945. 26 авг. С. 2.

²² Правда. 1945. 15 авг. С. 1; Тихоокеанская звезда. 1945. 4 сент. С. 2.

²³ Правда. 1945. 25 авг. С. 3, 4; 1945. 14 сент. С. 1; Тихоокеанская звезда. 1945. 15 мая. С. 4; 1945. 4 сент. С. 4; 1945. 12 сент. С. 4; 1945. 22 сент. С. 4.

²⁴ Правда. 1945. 26 авг. С. 2; 1945. 10 сент. С. 3.

²⁵ К ведению такой пропаганды советские войска были готовы давно: ещё в июле 1938 г. было принято решение об открытии отделения военных переводчиков с японского и китайского языков при восточном факультете Дальневосточного университета в целях удовлетворения нужд армии и пограничного управления в кадрах. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5447. Л. 207).

²⁶ Меклер Г. Война на Дальнем Востоке глазами спецпропагандиста и человека // Трагедия войны — трагедия плена. Материалы Межд. науч.-практ. конф. М., 1999. С. 270, 271.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 238. Л. 208, 209.

²⁸ Там же. Д. 319. Л. 52, 60, 64.

²⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Документы и материалы. Т. 18 (7—2). М., 2000. С. 96, 97.

³⁰ Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 374, 376.

³¹ Тихоокеанская звезда. 1945. 14 авг. С. 2; 1945. 23 авг. С. 2; Правда. 1945. 22 авг. С. 3.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 61.

³³ Правда. 1945. 22 авг. С. 3.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 14, 47, 61, 64.

³⁵ Там же. Л. 15, 16, 19, 32.

³⁶ Только за первые 4 дня военных действий их было распространено 9 млн экз.

³⁷ Лишь в зоне Забайкальско-Амурского военного округа (1945—1947) политорганами Красной армии за время пребывания на территории Маньчжурии было издано и распространено 55 млн экз. различных изданий.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 430. Л. 117, 119, 120; Оп. 122. Д. 136. Л. 166, 205, 206.

³⁹ Савельева Е.И. Общественно-политическая жизнь на Южном Сахалине в послевоенный период (1945—1950 гг.) // Сахалин и Курилы в войнах XX века. Материалы науч. конф. Южно-Сахалинск, 2005. С. 247, 248, 252.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 136. Л. 206, 207; Оп. 125. Д. 873. Л. 14.

⁴¹ Владимиров Д.А. Японские военнопленные в Приморье: новые подходы к решению старых проблем // Последняя точка Второй мировой. Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2009. С. 144; Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945—1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск, 2003. С. 170—175.

⁴² Драгунова Л.В. Японские военнопленные на Сахалине: история и судьбы // Сахалин и Курилы в войнах XX века. Материалы науч. конф. Южно-Сахалинск, 2005. С. 185.

⁴³ Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945—1948 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. С. 13—15.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 549. Л. 2, 3.

⁴⁵ Всеволодов В.А. Японские военнопленные в СССР. Общее и особенное // Трагедия войны — трагедия плена. Материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 1999. С. 109; Спиридонов М.Н. Указ. соч. С. 153.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 319. Л. 31, 87, 90, 91.

⁴⁷ Там же. Л. 4, 17, 23; Там же. Д. 426. Л. 13; Оп. 3. Д. 1054. Л. 25, 26.

⁴⁸ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 57.

⁴⁹ Petrone, Karen. Masculinity and Heroism in Imperial and Military-Patriotic Cultures // Russian Masculinities in History and Culture. Houndmills — New York, 2002. P. 182, 183.

⁵⁰ Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904—1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. С. 1.